

Игорь Шестков "На пляже"

Поселок Малый Утриш переживал, как и вся страна, перестройку. На практике это означало, что рыболовецкий колхоз перестал получать дотации из центра и скурвился. Рыбы в страдающем от экологического загрязнения Черном море было так мало, что ловля и производство сами по себе давно были нерентабельны. Три колхозных суденышка ржавели в бухточке, рыбзавод закрылся. Население было предоставлено самому себе. Кто-то уехал на заработки, кто-то пил по-черному. Некоторые сдавали сарайчики немногочисленным приезжим, привлеченным пустыми пляжами и красотой гористой местности. Мои приятели сняли в Утрише несколько комнат. На крохотной веранде нашлось бесплатное место для меня. Сам заплатить я не мог. Денег едва на дорогу хватило. Уже несколько месяцев я не мог выйти из душевного кризиса. Потерял контакт с близкими. Нигде не работал. Хотелось накупаться вдоволь и прыгнуть с одной из живописных скал вниз головой, кончить комедию.

Двоюродная сестра Сержа, парикмахерша Лялька жила в палатке примерно в полутора километрах от поселка. У водопада. Туда мы все ходили купаться и загорать.

У Ляльки были длинные ноги и большая, красивой формы грудь, которую она победно, как знамя, выставляла вперед. Я решил за ней приударить. Мой план был прост: три дня на черемуху, три дня на секс (на седьмой день Лялька уезжала), а потом забыть и больше не вспоминать. Три дня черемухи пролетели быстро. Лялька в моем присутствии кокетливо опускала глаза, томно вздыхала, еще больше выпирала грудь. В конце третьего дня, вечером, я пришел к Ляльке в палатку с вином и фруктами. Все шло как по маслу. Мы пили и ели. Я вешал Ляльке какую-то лапшу на уши. Многозначительно смотрел ей в глаза. А внутренне был полон отвращения к себе. Вместо того, чтобы серьезно подумать о том, как жить дальше, я, как в сказке, искал защиты там, где можно только себя потерять – у глупой девахи под юбкой.

Мы сидели напротив друг друга по-турецки, на двух, положенных рядом,

надувных матрасах. Лялька хихикала. Когда я нагло схватил ее за грудь, она томно проговорила: «Ах, Димыч!» Поцеловал ее в губы. Обнял. Начал раздевать. И тут... Лялька потеряла сознание, обвисла у меня на руках. Это был легкий обморок, который через несколько секунд прошел. Я сделал из матраса кресло, усадил в него Ляльку, накинул ей на плечи ветровку, предложил вина. Лялька глотнула, тревожно посмотрела в темноту и... Я услышал, как ее зубы стучат о стекло. Моя подружка паниковала, чего-то страшно боялась. Я не понимал – чего. Перед нами было спокойное море, позади – круто поднимающийся берег, за ним горы. Оттуда никто не мог спуститься. Разве что заблудившийся шакал. Невдалеке – дюжина палаток с интеллигентными людьми, всегда готовыми прийти на помощь.

Лялька тряслась, всхлипывала, при любом шорохе хватала меня за руку. Умоляла не оставлять ее одну. Мне было досадно, но любопытно. Я сказал, что не уйду, если она мне расскажет, что ее так испугало. Мало-помалу Лялька разговорилась. Оказалось, страх ее носил чисто мистический характер. Лялька боялась маленького черного человека, который ей неоднократно являлся. Его приход всегда предзнаменовывался неким особым психическим состоянием или чувством, которое Лялька и ощутила якобы как раз в тот момент, когда мы готовы были предаться любви.

«Может врет все, – думал я. – Боятся залететь или еще что-нибудь в этом роде?» Но будущее показало – это не так. Сексом Лялька занималась охотно, хоть и странно (подробности неинтересны). Нет, тут было дело куда серьезнее, Лялька как Моцарт действительно боялась своего черного человека.

Это началось месяцев восемь назад. В квартире, где она жила с мамой. Весь вечер смотрели телевизор. Потом Лялька ушла в свою комнату, хотела ложиться спать. Присела на табурет чтобы посмотреть на себя в зеркало трюмо. И вдруг почувствовала это, странное, то, что сейчас должно было произойти. Захолонуло сердце – прямо из стены ее комнаты вышел небольшой черный человек. Вышел, оттряхнулся как пес и посмотрел на нее дерзко. «Азazelло», – сказал бы любой интеллигентный москвич моего поколения, но Лялька принадлежала уже к другому поколению, Булгакова не читала, гостя не узнала.

Он сказал: «Ну, приветик, Лялечка. Будем знакомы!»

Но себя не назвал, а стал ходить по комнате «как петух». Потом подошел к ней, больно ущипнул холодными пальцами за попку. Лялька чуть в обморок не упала. Потом показал ей зубы, которые стали вдруг как собачьи. Зарычал. Лялька окаменела. Закрыв пасть, захихикал, забормотал какую-то чушь: «Пать, пать, пать, всем по очереди срать, перелесок, три ручья, я уехал от тебя, красный комочек – из манды листочек, семь палок летом в воскресенье и вишневое варенье, только б поезд не проспать, если хочешь с бабой спать...»

Потом запел: «А как я свою милую, да из могилы вырою, по спине похлопаю, поставлю кверху жопою...» Встал на руки и, виляя задом, пошел по комнате на руках, а Ляльке показывал зубы. Затем встал прыжком на ноги, громко пукнул, разбил хрустальную вазу, стоящую на трюмо, и ушел в стену.

Тут в комнату вошла Лялькина мать и спросила, что у нее за шум. Увидела осколки вазы. Всплеснула руками и начала Ляльку ругать. У Ляльки хватило тогда ума о посещении черного человека не рассказывать. Ночью она не спала, боялась, что он опять появится, но под утро забылась. Пару недель все было как всегда: Лялька ходила на работу в парикмахерскую, встречалась с каким-то клиентом, спала с ним, все как обычно.

Лялька решила – пронесло. Но не тут-то было. Ехала однажды домой поздно вечером в метро. Рядом – никого. Опять пришло знакомое чувство, похолодела спина, по телу пошли мурашки. В то же время Лялька ощутила во всем теле странную приятную истому – отчего испугалась еще больше. Страшно ехать одному в метро ночью. Да еще и с предчувствием чего-то неотвратимого. А её черный человек уже катался по пустому вагону как черное колесо. Туда-сюда. Подкатился к Ляльке. Встал на ноги, приблизил свое лицо к ее лицу, вытянул неправдоподобно длинный собачий язык и провел ей по губам.

Пропищал: «Лялечка, хочешь, я тебя полижу?»

И лизнул ей шею. Как финкой резанул. Лялька задрожала. А он открыл пасть, показал собачьи клыки. Зарычал. Сделал большие глаза, поправил когтями неизвестно откуда взявшуюся на его голове челку аля Элвис и прорычал:

«Стрижешь, гнида, плохо!»

Превратился вдруг в маленького Горбачева, встал в позу и произнес назидательно голосом генсека: «Надо определиться, Лялечка, как с котятками

поступим! Может быть, утопим их как Му-му?»

Затем завыл что-то рокенрольное, принял свой обычный образ и укатился в другой конец вагона. Сел там на сиденье. Лялька хотела на него не смотреть, но не могла оторвать взгляд. А он делал что-то непонятное. Достал из кармана сверток. Развернул. В нем было что-то красное. Как показалось Ляльке – жидкое. Черный человек начал это красное лизать языком. Затем делал такие движения, как будто апельсин чистил. Ляльке послышался тихий детский плач и жалобное мяуканье. Она от страха отключилась на несколько секунд.

Когда очнулась – черного человека уже не было в вагоне. Поезд подъезжал к станции. Надо было выходить. Лялька прошла через вагон к месту, где он сидел. На сидении лежала изодранная детская пеленка со следами крови. На ней лежал котенок с содранной шкурой. Он смотрел на Ляльку...

Лялька вышла и побежала домой. У нее потом долго болела шея. Там где он лизнул, осталась красная полоса. По ночам Ляльке казалось, что котенок мяукает у нее под кроватью.

Черный человек являлся Ляльке еще раз пять, прежде чем она обратилась за помощью. Все честно рассказала матери. Та – попу. Поп дал матери пузырек с святой водой и посоветовал прийти к нему с дочкой на исповедь и причастие. Лялька в Бога не верила, в церковь не пошла, однако святой водой окропила всю квартиру, а с матерью договорилась, что, если черный человек придет, она стукнет в стену. Через неделю, утром, Лялька услышала вдруг истошное мяуканье. Испугалась страшно. Поняла – сейчас появится. Стукнула в стену. Мать тут же пришла. С олеографией модного тогда Серафима Саровского и пузырьком святой воды в руках. Черный человек появился. Спокойно и без спешки вышел из стены. Мать обомлела. Выставила Саровского перед собой как дуло танка. Пыталась сказать что-то.

Черный человек олеографию из рук матери выдрал, посмотрел на святого глумливо и плюнул ему в лицо. Изящным движением выкинул в форточку. Потом грозно посмотрел на женщину. Положил ей руку на грудь и что-то прошептал. Матери тут же стало плохо. Она медленно села на пол, потом легла и лишилась чувств. Лялька выбежала из комнаты – звонить в скорую. Вызвала врача. Стуча зубами от страха, вернулась в свою комнату – черный человек и не

думал исчезать. Он сидел, расставив ноги, на груди у лежащей на спине женщины. Увидев Ляльку, вскочил. Запрыгал по комнате как мячик. Захохотал. Показал собачью пасть и красный длинный язык. Запел издевательски фальцетом: «Кошка бросила котят, пусть ебутся как хотят!»

Закрутился как веретено. Вырвал из скрюченной кисти матери пузырек с святой водой, открыл его и залпом выпил содержимое. Громко рыгнул. Подскочил к Ляльке, лапнул ее за промежность и попросил, нагло улыбаясь: «Налей мне, крошка, стаканчик менструальной крови!»

Вынул как факир из кармана черного пальто граненый стеклянный стакан и подал его Ляльке. Лялька почувствовала, как кровь потоком вышла из ее вагины и мгновенно пропитав трусики, закапала на пол. Черт подставил стакан.

Раздался звонок. Приехала скорая, Лялька побежала открывать. А потом, скорее, – в ванную. Когда она вышла из ванной, врач и медсестра еще возились с лежащей на полу матерью. Черного человека в комнате не было. Граненый, запачканный кровью, стакан стоял на трюмо.

Разумеется, я не мог проверить, врала ли Лялька или нет. Похоже, она говорила мне правду – слишком странны и характерны были подробности явлений черного человека. У Сержа я спрашивал позже, был ли у его тети пару месяцев назад сердечный приступ. Ответ был – да, и не приступ, а инфаркт, от которого та до сих пор не оправилась. Спрашивал я, была ли Лялька у психиатра.

Оказывается, была. Психиатр нашел ее психически здоровой, хотя и напуганной. Рассказ Ляльки кончился на том, что черный человек посещал ее последний раз за неделю до отъезда в Утриш. При мне он так и не появился. Лялька заснула. Я пошел домой.

Ночь была безветренная, теплая, очень темная. Луна еще не вышла. Звезд не было видно, на берегу лежал туман. Приходилось идти на ощупь. Слева от меня чуть поблескивало зеркало моря. Справа – черной стеной стояли обрывистые скалы. Я шел и думал о Ляльке и ее черте – рад был отвлечься от собственных проблем. Камешки хрустели под ногами.

Скоро в нос ударило знакомое зловоние. Это вонял мертвый дельфин, которого выбросил на прибрежные скалы прошедший недавно шторм. Где-то тут, недалеко от дельфина, я должен был свернуть направо, подняться по узенькой

тропинке, выйти на поселковую улицу. Несмотря на темноту, я видел чуть белеющую тропинку, но со странным черным пятном там, где его никак не могло быть. Я шел, вытянув руки. Наткнулся на что-то, ощупал и понял, что это человек. Он стоял в проходе между скал. Я спросил его глупо: «Вы кто?» Он не ответил. Рядом с ним порхал красный огонек – человек курил. Выпустил дым мне в лицо. Дым пах серой!

«Ты, парень, – сказал он неожиданно голосом боцмана, который хочет сделать нотацию молодому моряку. – Не суй свой нос в это дело! Понял!»

Ударение он сделал на последнем слоге.

«Понял?» – повторил он еще раз. Потом слегка пнул меня под дых. Я задохнулся, согнулся. А разогнувшись, попытался ударить его по лицу, но мой кулак пронзил темноту. Никого передо мной не было. Путь был свободен.

На следующий день пришел я к Ляльке. Она загорала и курила сигарету. Я прилег рядом.

«Как ты?»

«Все хорошо».

Я не стал ей рассказывать про мою ночную встречу – не хотел поддерживать ее безумие. Да и не был на сто процентов уверен, что это был «ее», а не «мой» черный человек. Стал расспрашивать Ляльку, как проходила ее жизнь до его появления. Она не могла понять, что я имею в виду. Я объяснил, что визиты черта – это наказание за что-то. Лялька долго думала, но не могла вспомнить какой-либо плохой поступок. Тогда я взял на себя роль попа. После недолгого допроса выяснилось, что Лялька за месяц до первого «явления» сделала аборт, потому что «не хотела возиться с пеленками». Совершенно в этом не раскаивалась, даже забыла об этом. Я попытался объяснить ей, что, возможно, существуют какие-то высшие силы, как-то планирующие жизнь человечества. Быть может, ее ребенок должен был породить потомство, из которого через десять или двадцать поколений должен был бы произойти спаситель мира. И вот теперь – та самая серебрянная цепочка разорвалась, мир погибнет, потому что парикмахерша Лялька не хотела «возиться с пеленками». Высшим силам это неприятно и они перестали защищать Ляльку от вторжений других, тоже высших, но негативно к человеку настроенных сил из мира, который мы

называем адом. Лялька не приняла мои аргументы всерьез. Глупо хохотала. Я подумал – что это я действительно во все сую свой нос? Лезу с дурацкими объяснениями. Сам жить не умею, а других учу. Попрощался и ушел. Но вечером все-таки притащился опять.

Через два дня Лялька уехала. Уехал и Серж с друзьями. Я остался один в сарайчике. Загорал, плавал. Забирался на скалы, заглядывал в пропасть, делал пробу. Прыгать было страшно.

Не поддался я и другому искушению. На пляже появились три молодых женщины, ловящие человек. Каждый день они сидели на одном и том же месте. Без трусиков, широко раскрыв бедра, демонстративно отвернувшись от моря. Рядом с ними восседал на гальке одетый, несмотря на жару, в черный костюм, мужчина. Он всегда держал дымящуюся сигарету во рту. Уж не тот ли самый, думалось мне, когда я проходил мимо этой группы и черный костюм демонстративно мне кланялся. И улыбался противно – не губами, а челюстью. Женщины были немолодые и не старые – в самом соку. Рыжеволосые. Каждый раз, когда я проходил мимо, они смотрели мне в глаза. В их взглядах ясно читался вызов. Я ни разу к ним не подошел – не потому, что меня останавливали какие-то моральные принципы, у меня их нет. Просто не хотел ввязываться в новую историю, достаточно мне было и Ляльки.

Быть может за это те самые высшие силы послали мне подарок. В начале сентября на пляже появилась Альбина – милая девушка 23-ех лет с волосатыми ногами. Мы познакомились как-то естественно, просто. Сидели на берегу рядом, голышом. Ласкались. Болтали. Глазели на медленно ползущие по горизонту корабли и кидали камешки в море. Альбина рассказывала мне о своей жизни и ученье, я что-то плел про мою московскую жизнь. Не скрыл, что женат, что хочу уехать из СССР...

Мы плавали, ныряли и как амфибии продолжали ласки в темно-зеленой глубине моря – как будто внутри огромного изумруда. Терлись спинами, обнимались, гладили ступни друг друга, я теребил кончиком языка ее затвердевшие в прохладной воде соски.

Первую совместную ночь мы провели в ее палатке. Лежали одетые на топчанах, покрытых одеялами. Альбина заснула, а я всю ночь глядел на звезды, видимые

из открытой части палатки. Бездонная глубина, мировая пустота смотрела на меня своим огромным черным глазом, по сапфировому зрачку которого были рассыпаны зерна светящегося жемчуга. Я чувствовал ее старость, ее равнодушие. Мне было хорошо. Я улыбался небу.

Читаю рассказ тут:

https://www.youtube.com/watch?v=8NOp1N91_ko&feature=plcp